

ИЗ ФОНДОВ
КУЛЬТУРЫ

**Богатырева
Елена
Анатолевна** —
доктор философ-
ских наук. Постоян-
ный автор журнала.
E-mail: elenabogat@
yandex.ru

¹ Автор статьи выра-
жает благодарность
Елизавете Владими-
ровне Усубовой
(Волковой), житель-
нице одного из до-
мов в Большом Кар-
етном переулке,
поделиться с ав-
тором своими воспо-
минаниями из исто-
рии этих строений.

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ ПЕРЕУЛОК В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОСКВЫ

© 2015

Е.А. Богатырева

...И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь, —
Нет-нет, да по Каретному пройдешь.

В. Высоцкий

Атмосфера этого двора была воспета поэтом с такой убедительностью, что никаких других свидетельств, казалось бы, больше не требуется. В различных воспоминаниях перечислены те, кто здесь жил и бывал. Не упоминается только, что за архитектурный стиль сформировал эту среду, повлиял на образ жизни его обитателей и создал условия для их общения. Двор, к которому и по сей день относится дом В. Высоцкого, очерчен еще двумя домами. Внутри двора, перпендикулярно им, располагается третье строение. Все три дома, соседствующие с домом Высоцкого, составляют один, как говорят сейчас, морфотип. Еще определеннее — *морфотип конструктивизм*. Три геометрически правильных, крепких кирпичных строения были созданы в 1928–1932 годы¹. Дом Высоцкого, более ранний доходный дом начала XX века, поначалу отделяла от новостроек стена, а впоследствии он присоединился к единому дворовому пространству. За стеной, в Малом Каретном переулке, осталось здание “нашей” Пятой швейной фабрики, для которой тоже найдется место в творчестве поэта.

Интересные свидетельства о Москве второй половины 1920-х годов оставил Вальтер Беньямин. Известный интеллектуал XX века посетил Москву на рубеже 1926–1927 годов и оставил свои впечатления в работе, которая впоследствии была издана как “Московский дневник”. Впечатления Беньямина важны не только потому, что он одним из первых стал исследовать город как целостность в социокультурных координатах, но и потому, что взгляд со стороны всегда информативен, способен подметить то, что незаметно для наблюдателя изнутри. Беньямин совершал прогулки по центру Москвы, в районе будущей станции метро “Маяковская” (описание не сохранившихся памятников также можно почерпнуть из этого литературного документа), ходил по Петровке, сетовал на узкие тротуары. Стремление расширить улицы, площади, дворы, преодолеть скученность жилых построек будет присутствовать во всех градостроительных планах с самого начала 20-х годов XX века. Однако тротуары улицы Петровка и по сей день остаются узкими, как бы в напоминание о том посещении Москвы Беньямином. В своих записях он, в частности, замечает, что “Москва вообще повсюду производит впечатление, будто это еще не сам город, а его предместье” [2, с. 100]. Интересно, что через несколько месяцев после описанных им событий и в непосредственной близости от упо-

мянутых в “Московском дневнике” географических точек, рядом с Петровкой и Страстным бульваром, развернулось строительство принципиально нового жилого комплекса.

Двор в Большом Каретном переулке может быть рассмотрен как еще одно свидетельство того, что архитектура конструктивизма способствовала созданию определенной городской среды. Ее ценностно-эстетические установки предполагали акцентирование общественных пространств, преодоление замкнутости городских территорий и снятие коммуникационных барьеров. Эта архитектура осуществляла функцию интеграции и воспроизводства жизненного мира горожан. Без трех домов, построенных на рубеже 1920–1930-х годов, в Большом Каретном переулке не было бы двора, общего пространства, объединяющего жителей. Стилистические особенности и социальные функции конструктивизма описаны в работах известных исследователей [7]. В контексте данной темы архитектура конструктивизма будет интересовать нас прежде всего с точки зрения того, как эти функции проявились в жизни конкретного московского двора, который уже вошел в историю отечественной культуры XX века.

Постройки придали двору геометрически правильные очертания и присоединили к линии Большого Каретного переулка прямоугольник, две стороны которого обозначены лаконичными, композиционно уравновешенными зданиями. На фоне популярной на рубеже XIX–XX веков архитектурной эклектики и поблизости от выходящего на Садовое кольцо массивного дома в неоготическом стиле², в конце 1920-х годов в Большом Каретном переулке появляются два строгих, пропорциональных, лишенных претенциозности, но не лишенных элегантности строения. Первый корпус фасадом выходит в переулок, третье строение (оно было построено как раз первым) расположено параллельно первому, в глубине прямоугольного двора, на границе с Лиховым переулком. При всей своей схожести и принадлежности к одному стилю первое и третье строения обнаруживают некоторые отличия. Прямоугольный в плане корпус в глубине двора украшен симметричными вертикальными выступами — пилястрами, а на фасаде первого корпуса преобладают чередующиеся горизонтальные линии. Тем самым вертикальный ритм фасада третьего строения как бы контрастирует с горизонтальным ритмом первого.

К моменту строительства территория, по свидетельствам очевидцев, заросла бурьяном. Видимо, это подчеркивание геометрически строгих очертаний, их противопоставление запустению, не было случайным. Второй корпус — более позднее строение начала 1930-х годов — будет сооружен внутри двора, под прямым углом по отношению к двум предшествующим. Ориентированность на правильные геометрические формы проявилась не только в композиционном решении самих архитектурных сооружений, но и в их расположении, напоминающем о замыслах градостроителей середины 1920-х годов. В числе принципов, которыми они руководствовались, имело место стремление к упорядочиванию старого города и “выправлению строительных кварталов” [3]. Эти цели упоминаются, например, в градостроительном плане “Большая Москва”, разработанном инженером С.С. Шестаковым, в котором говорится, что “Москва во многих своих частях в значительной степени разрушена и вот это разрушение и надо использовать в целях широкого упорядочения старого города” [там же, с. 6]. Архитектуру конструктивизма невозможно оценивать

Е. Богатырева
Большой
Каретный
переулок...

² Дом выходит на Садовую-Самотечную улицу.

Большой Каретный переулок. Так выглядит сегодня один из корпусов дома № 17, который был построен первым (сейчас это строение 3)

Тот же дом во дворе, современный вид

вне учета этого историко-конкретного обстоятельства: стремления противостоять разрухе и решить первоочередные бытовые проблемы. Речь шла не столько о том, чтобы сконструировать *новый* быт, сколько о том, чтобы обеспечить элементарные бытовые условия вообще. Население Москвы стремительно росло, и новая архитектура отвечала возросшей потребности в массовом жилищном строительстве.

Не всякий проект — утопический

В характеристике конструктивизма часто присутствует определение “утопический”, хотя к жилой застройке оно относится менее всего. У архитектурного конструктивизма в области жилищного строительства была своя *сверхзадача*, которая состояла не просто в том, чтобы обеспечить горожан жильем и преодолеть их бытовую неустроенность, снизить бытовую нагрузку, но и ускоренными темпами сделать рывок вперед и освободить

человека от повседневных рутинных забот и ввести в его повседневную жизнь такой новый феномен, как *свободное время*. Видимо, эта сверхзадача представлялась особенно утопической — освободить время для творческой деятельности, для самореализации. Преодоление бытовых проблем предполагало опору на *кооперацию*, на создание условий для коммуникации городских жителей. Поэтому эмансипирующая роль архитектуры проявилась в организации *пространств*, инициирующих подобную коммуникацию, создающих для нее условия.

Конструктивистская застройка индуцировала коммуникативные действия того типа, который, используя терминологию Ю. Хабермаса,

можно назвать действиями, “ориентированными на взаимопонимание”. Роль этой архитектуры в организации городского пространства особенно наглядна в сравнении с современными градостроительными тенденциями. Социолог З. Бауман в книге “Текущая современность” выбирает чрезвычайно показательное основание для типологизации современных общественных пространств, выделяя пространства, которые “поощряют действие, а не взаимодействие” [1, с. 106]. Например, огромные супермаркеты, деловые центры, аэропорты, вокзалы и другие точки на карте города ежедневно посещают толпы людей, но эти пространства не рассчитаны на их коммуникацию, они не предполагают общения посетителей. Общественные пространства различных типов (“пожирающие места”, “неместа”, “пустые пространства” и т.п.), по словам Баумана, представляют собой “общественные, но не культурные места”, позволяющие уклониться от “обременительного общения, действующих на нервы переговоров и раздражающих компромиссов” [там же, с. 114–115]. Пространствами, поощряющими “действие, а не взаимодействие”, оказываются не только супермаркеты, но и театры, выставочные залы. Если сопоставить их с такими характерными для конструктивизма сооружениями, как дома культуры или клубы, различия просто бросаются в глаза, поскольку конструктивистские принципы организации пространства ориентированы на содействие кооперации и достижение взаимопонимания.

Разочаровывающие тенденции современного развития городской жизни Бауман характеризует следующим образом: «Сообщество, определенное созданием тщательно охраняемых границ, а не содержанием; “защита сообщества”, истолкованная как наем вооруженных сторожей для охраны входа; преследователи и бродяги, возведенные в ранг антиобщественных элементов номер один; сокращение общественных мест до защищенных анклавов с доступом только для избранных; разделение вместо обсуждения жизни сообщества и криминализация всего остального пространства...» [там же, с. 103]. Конструктивистская застройка была ориентирована на создание городской среды, развитие которой позволило бы подобного сце-

Следующим был построен дом № 17, строение 1

Рядом с первым корпусом — дом № 15, в котором с 1949 по 1955 год жил Владимир Высоцкий. На фотографии — дом Высоцкого и угол дома № 17, строение 1

ИЗ ФОНДОВ КУЛЬТУРЫ

нария избежать. Согласно конструктивистским подходам, город не сводится к конгломерату замкнутых огороженных территорий (такая тенденция отчетливо просматривается в сегодняшней Москве), но, напротив, включает в себя общественные пространства, способствующие оживлению коммуникации горожан.

В памятниках конструктивизма видны творческая энергия, драйв и интеллект, отличающие оригинальное явление от воспроизведения или тиражирования заданных образцов. В основе этого архитектурного явления — собственная повестка, реализация оригинального плана, что выгодно отличает конструктивизм рубежа 1920–1930-х годов от более поздних примеров использования конструктивистских приемов в массовом жилом строительстве. Почему именно конструктивизм оказался стилем, отвечающим новым задачам? Один из ответов на этот вопрос находим у С.О. Хан-Магомедова, отметившего, что “радикальные стилеобразующие процессы в первой трети XX века происходили в обстановке резкого усиления влияния научно-технического прогресса и широкого распространения рационально-логических приемов формообразования во всех видах творческой деятельности. В этих условиях получили тактическое преимущество те концепции формообразования, которые встраивались в этот общий процесс...” [7, с. 92]. Кроме того, важными задачами, решение которых входило в замысел конструктивистов, были демократизация городского пространства, преодоление социальных барьеров и создание городской среды, не разделенной кастовыми перегородками. Для этого архитектура конструктивизма формировала пространства особого типа, создающие условия для коммуникации.

Можно выделить два основных направления, по которым осуществлялось воспроизведение принципов конструктивизма в жилом строительстве конца 1920-х годов. Во-первых, образцы конструктивистской архитектуры создавались по индивидуальным проектам. Например, проекты архитектора А. Щусева в Брюсовом переулке, в частности, дом № 17, известный как “Дом артистов МХАТ”. Этот же образец конструктивизма известен как дом, в котором жил философ Г.Г. Шпет. А также дом № 12 (архитектор И. Рерберг), в котором жил В.Э. Мейерхольд и другие известные деятели культуры. В качестве более позднего примера (1940 г.) уже так называемого постконструктивизма приведем Дом мастеров эстрады на улице Горького (сейчас — Тверская, 20), созданный по проекту М. Гинзбурга (соавтор Ф. Михайловский). Второй путь распространения принципов конструктивистской архитектуры связан с массовой застройкой ряда районов, которые вошли в черту города и стали московскими в процессе реконструкции. Например, застройка районов Измайлово, Марьино Роща и других. Независимо от местоположения конструктивистских сооружений (в центре города или на окраине), их объединяет строгая простота, рациональность, тектоничность форм. По словам известного исследователя конструктивизма: “Во второй половине 1920-х годов во многих городах разворачивается строительство жилых комплексов, в которые включаются школы, магазины, прачечные, детские учреждения и т.д. ...Эти благоустроенные, хорошо озелененные жилые комплексы способствовали стиранию различий между застройкой центров и окраин крупных городов” [5, с. 14]. И содействовали возникновению общих для жителей близлежащих домов пространств. Таким пространством стал и двор в Большом Каретном переулке. Расселение центра города, проходившее в то время, бы-

ло связано с созданием более комфортных условий и преодолением скученности построек. Оно преследовало цель демократизации городского пространства, а не создания закрытых и социально неоднородных территорий, в координатах которых проживание в центре было бы знаком престижа.

Одним из индивидуальных проектов можно считать и жилой комплекс в Большом Каретном переулке. С той только разницей, что три корпуса в Большом Каретном являются примером малоизвестного московского конструктивизма. По сравнению с хрестоматийными образцами стиля, которые “на слуху”, эти строения в контексте архитектуры московского конструктивизма исследователями не рассматривались. Архитектором трех домов в Большом Каретном стал Г. Олтаржевский, брат известного архитектора В. Олтаржевского, специализировавшегося на проектировании высотных зданий. Строивший в начале века доходные дома, Г. Олтаржевский в рассматриваемый период отдает дань актуальному и получившему широкое распространение конструктивизму. Строительство рассматриваемых домов осуществляется в соответствии с первыми планами реконструкции Москвы, предшествовавшими плану 1935 года. А также в соответствии с постановлением “О жилищной политике” [6], после которого активизировалось строительство жилищно-строительных кооперативов.

Кооперативы

Здесь следует упомянуть, что архитектурный комплекс в Большом Каретном строился по заказу жилищно-строительного кооператива под названием “Московский служащий”³. К этому же ЖСК относился и еще один дом на Страстном бульваре (№ 13а), в архитектурном отношении очень напоминающий дома в Большом Каретном. По названию кооператива можно догадаться, что жильцы дома не были сотрудниками какого-то одного предприятия. Первыми жителями дома были представители разных профессий, объединенные принадлежностью к социальной группе служащих: от бухгалтеров и инженеров до директоров заводов и фабрик, научных сотрудников, дипломатов, военнослужащих командного состава и других. В 1928 году строительство кооперативных домов оживилось, тогда же были построены известные дома-ЖСК в Брюсовом переулке. В отличие от государственного жилья, принцип заселения кооперативных домов был несколько иной. Возможно, на примере домов в Большом Каретном этот принцип, точнее, тенденция, не так заметна, но на примере домов в Брюсовом переулке она вполне очевидна. Если знаменитый Дом на набережной был заселен в основном представителями номенклатуры, официальной элиты, то в Брюсовом переулке проживали скорее представители творческой интеллигенции, творческих профессий, поэтому интеллектуальная среда, домашние посиделки, известная демократичность были характерны для образа жизни обитателей кооперативных домов. Правда, дома в Большом Каретном переулке оставались кооперативными недолго, на протяжении примерно десятилетия.

Расцвет жилищно-кооперативного строительства пришелся на 1970–1980-е годы, но первые отдельные примеры относятся к концу 1920-х годов. Это явление не исследовано с точки зрения его влияния на образ жизни города, его атмосферу, а оно было значительным. ЖСК связаны с возникновением новых общественных пространств, новых

Е. Богатырева
Большой
Каретный
переулок...

³ Этими воспоминаниями с автором статьи любезно поделилась Е.В. Усубова (Волкова), чей отец, Владимир Николаевич Волков, был членом правления кооператива “Московский служащий”. Информация о кооперативе и составе его жильцов также основана на свидетельствах Е.В. Усубовой.

условий для общения жителей. Особенно важно, что ЖСК функционировали на основе самоуправления, так что архитектура конструктивизма была словно создана для жилищно-кооперативного строительства. Характерное для создателей конструктивистских сооружений стремление модернизировать быт и способствовать решению хозяйственных проблем проявилось и в случае с домами в Большом Каретном переулке. В этом смысле инфраструктура жилого комплекса в Большом Каретном не сильно отличалась от инфраструктуры знаменитого Дома на набережной. В Большом Каретном не было, конечно, кинотеатра, но на первом этаже одного из домов располагался детский сад, была своя прачечная, в которой в начале 1930-х годов установили новые заграничные стиральные машины и гладильные доски⁴. Напротив жилых корпусов построили школу — ее посещали известные теперь деятели отечественной культуры.

Но использование архитектурных принципов конструктивизма в массовом жилом строительстве продолжалось недолго. Его критика начинается уже в 1930-е годы. Причем “ошибки” сбившихся с пути градостроителей были найдены и в воззрениях урбанистов, и в теориях дезурбанистов. Так, например, в иллюстрированном альбоме “Градостроительство” читаем: «“Теоретики” градостроительства в поисках путей для разрешения новых задач пытались привить советскому градостроительству чуждые его существу теории. Одни из них, так называемые урбанисты, проповедовали огромное противоестественное скопление людей в городах, другие, так называемые дезурбанисты, наоборот, настаивали на не менее ошибочной теории отмирания городов. Эти течения нашли отражение в отдельных практических работах по планировке новых городов, бурно возникавших в годы первой пятилетки» [4, с. 289]. На смену конструктивизму приходит архитектура, получившая впоследствии условное название постконструктивистской. Но это уже другая история, заслуживающая отдельного рассказа.

Жилая застройка в Большом Каретном сохранилась как свидетельство человеческого измерения архитектуры, воссоздающей городскую среду без замкнутых территорий и коммуникационных барьеров. Несколько изменивший свою конфигурацию двор остался уголком пульсирующей жизни, альтернативой тенденции к избыточной музеефикации. Большой Каретный продолжает ассоциироваться с подлинностью, демократичностью и естественным функционированием традиции, способствуя воспроизводству жизненного мира горожан.

Литература

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. *Беньямин В.* Московский дневник. М.: Ад Маргинем, 1997.
3. Большая Москва / Сост. С.С. Шестаков; под ред. Ф.Я. Лаврова. М.: Московский рабочий, 1925.
4. Градостроительство / Под ред. В. Шкварикова. М.: Идательство Академии архитектуры СССР, 1945.
5. *Журавлев А.М., Хан-Магомедов С.О.* Полвека советской архитектуры. М.: Знание, 1967.
6. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 “О жилищной политике” // URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=14332>
7. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн.1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996.

⁴ По воспоминаниям Е.В. Усубовой.